

МЕТОДОЛОГИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА: БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кросс-культурные исследования занимают приоритетное место в современной культурологической компаративистике и в изучении механизмов межкультурных взаимодействий. В статье раскрываются теоретические истоки методологии кросс-культурного анализа, его предметное содержание и эвристическая роль важнейших понятий. Дается характеристика областям применения и некоторым результатам кросс-культурных исследований, а также возможностям их использования в ареале взаимодействия пограничных культур.

Процессы глобализации, превращающие человеческое сообщество в «мировую деревню», актуализируют кросс-культурные исследования, которые становятся одним из важнейших направлений научных поисков в области гуманитаристики. Кросс-культурные исследования имеют солидный «стаж» и основываются на достаточно разработанной методологии кросс-культурного анализа. Сложившиеся в контексте американской исследовательской традиции и подчиненные определенным, достаточно прагматическим, целевым установкам, связанным с особенностями формирования этнической структуры американского общества, кросс-культурные исследования получили достаточно широкое распространение и представлены значимыми результатами, в том числе в европейском регионе – в Финляндии (I. Jasinskaja-Lahti, K. Liebkind) [1], Литве (N. Kasatkina) [2], Польше (P. Boski) [3] и других странах. Тем не менее, предметное содержание и методологические принципы кросс-культурных исследований, особенно в отечественной литературе, имеют весьма широкий диапазон интерпретаций, вплоть до отождествления понятий «кросс-культурное», «межкультурное», «интеркультурное» и т.п. без учета их содержательной специфики. За подобной терминологической неопределенностью стоят проблемы методологического характера, когда любые исследования взаимодействия культур квалифицируются как «кросс-культурные». В определенной мере эта ситуация связана с новизной кросс-культурной проблематики для постсоветского пространства и отсутствием специальных публикаций по этой проблеме (исключение составляет перевод на русский язык книги Д. Мацумото «Психология и культура») [4]. Это обстоятельство требует более четкой артикуляции исходных теоретических позиций в отношении того, что понимается под методологией кросс-культурного анализа, что, в свою очередь, позволило бы определить меру продуктивности и границы его применения в исследованиях европейских культурных ареалов.

Целью настоящей статьи является, во-первых, реконструкция генезиса кросс-культурных исследований, выявление их предмета, метода, теоретических основ и терминологического аппарата; во-вторых, характеристика некоторых наиболее значимых направлений и результатов кросс-культурных исследований; в-третьих, обсуждение возможностей экстраполяции методологии кросс-культурного анализа на европейский, в частности белорусский, ареал как область этнокультурного пограничья.

Как и любой исследовательский метод и связанное с ним направление научных поисков, метод кросс-культурного анализа имеет свои теоретические истоки и эволюцию. Зародившись в середине XX века, этот метод окончательно сформировался в

восьмидесятые – девяностые годы. Именно на это время приходится исследование, в которых методология кросс-культурного анализа становится предметом теоретической саморефлексии (работы Р. Брислина [5], Г. Трайандиса [6], Дж. Берри [7], Д. Мацумото [8] и других представителей данного направления, а также работы обобщающего характера [9-11]).

Методология кросс-культурного анализа, если пользоваться аналогиями времен не столь отдаленных, имеет свои источники и составные части. Его источниками явились компаративистский метод культурных исследований, символический интеракционизм Чикагской школы и бихевиористский метод в психологии. Серьезное влияние на становление кросс-культурного метода оказала теория социальных и культурных изменений. Однако их синтез обязан во многом личному опыту основателей рассматриваемого метода. Большинство специалистов в области кросс-культурных исследований, работающих на американском континенте, не являются его автохтонами. Есть все основания предполагать, что их рефлексия над кросс-культурными процессами имплицитно содержит и авторефлексию, связанную с собственной адаптацией и творческой самореализацией в инокультурной среде. В этой связи уместно привести несколько фрагментов из автобиографического эссе одного из патриархов кросс-культурной психологии Г. Трайандиса «Одиссей путешествовал 10 лет, я путешествовал 50 лет». Фрагмент может показаться пространным, но он дает выразительное представление о том, в каком переплетении культурных контекстов и личностных начал зарождался кросс-культурный метод.

Подводя итог своему пятидесятилетнему географическому и научному «странствию» и возвращаясь к его истокам, Г. Трайандис пишет: «Итак, я был воспитан в Греции, в стране коллективистской культуры... В январе 1948 г. в возрасте 21 года я прибыл в Канаду для учебы в Университете Мак-Гилл, поскольку Технический университет (Политехнион) в Афинах, где я учился, после войны находился не в лучшем состоянии. Я столкнулся с контрастом между Афинами и Монреалем как в климате (после 50-градусной жары – 10 градусов по Фаренгейту), так и в социальных отношениях. Монреаль обладал индивидуалистической культурой, и она контрастировала с коллективизмом Афин, в которых у каждого были немногочисленные, но глубокие привязанности. В Монреале мои друзья разговаривали с родителями раз в месяц, тогда как я, если бы мог себе позволить, говорил бы с ними ежедневно. В Монреале социальные связи были текучими и переменчивыми, тогда как в Афинах – более стабильными и более или менее неизменными. Следы аллоцентризма (от греч. “*ἄλλος*” – “другой”, ориентация на “других” как одна из черт “коллективизма”. – Н.Б.) у меня продолжали сохраняться, так что, когда я ежегодно возвращался в Афины, я всегда проводил время с моими друзьями, даже спустя 50 лет после того, как их покинул. Контраст между Канадой и Грецией побудил меня к размышлениям над сравнением культур... Однако у меня не возникло серьезных проблем с адаптацией в Канаде, поскольку к тому времени я был большим идиоцентриком (греч. “*ἰδιος*” – “своеобразный”, “необычный”, в авторской терминологии антитеза аллоцентризму. – Н.Б.), чем большинство греков» [12], [13]. Интерес к психологии и ее межкультурным аспектам побудил автора этих воспоминаний сменить профессию инженера на специальность социального психолога. Однако психология, как пишет Трайандис, тогда еще не интересовалась культурой. Прошло время, прежде чем Гарри Трайандис разработал методологию, категориальный аппарат и стал одним из пионеров кросс-культурной психологии как новой отрасли знаний, к которой, по его признанию, всегда испытывал большую любовь.

Первый вопрос, с которого должен начаться анализ кросс-культурного метода, связан с установлением предмета той дисциплины, в которой он сформировался. Рассматривая предметную область кросс-культурной психологии, Г. Трайандис пишет: «Кросс-культурная психология занимается систематическим изучением поведения и опыта, каким он предстает в различных культурах, оказывается зависимым от культур или является следствием изменений в существующих культурах» [14, р. 1]. Таким образом, объектная область методологии кросс-культурного анализа оказывается предельно широкой, а сам метод, по мнению его теоретиков, может найти применение в самых различных поведенческих ситуациях, предопределяемых разнообразием культурного контекста. Предметом кросс-культурной психологии и ее главной задачей оказывается выявление зависимостей поведения людей от культурных факторов. Как видим, область исследования, которая определяется как «кросс-культурная психология», представляет собой своего рода синтез культурологии и бихевиористской психологии, представленной на американском континенте, прежде всего, как социобихевиоризм Дж. Мида. Во всяком случае базовая модель бихевиоризма «стимул – ответ» («stimuli – response») была принята кросс-культурной методологией, в рамках которой обсуждается вопрос как о репрезентативности стимулов, так и интерпретации ответов, «которые следует понимать в широком смысле слова, от моргания глаза до сложных форм поведения или навыков» [15, р. 16].

Синтез этих двух направлений предопределил важнейшие теоретические концепты кросс-культурной психологии, каковыми оказываются «культура», «субъективная культура», «культурная единица», «кросс-культурное», «эмическое» и «этическое».

Что касается понятия культуры, то в методологии кросс-культурного анализа предпочтение отдается такому ее пониманию, которое получило свой концептуальный анализ в ряде исследований Г. Трайандиса и, в первую очередь, в его книге «Анализ субъективной культуры». Истоки кросс-культурной интерпретации данного феномена восходят к идеям М. Херсковица, высказанным в свое время в книге «Человек и его работа», в которой содержится определение культуры как «созданной человеком части среды своего обитания» [14, р. 1-2]. Это определение оказывается в рамках рассматриваемой методологии предпочтительным, поскольку позволяет представить культуру в двух плоскостях: с одной стороны, в ее материализованном, опредмеченном бытии, с другой – в ее субъективном выражении. Именно субъективная сторона культуры как «совокупность субъективных ответов на то, что создано людьми» и что выступает в форме «мифов, ролей, ценностей и отношений, составляя область субъективной культуры» [14, р. 2], существенна для кросс-культурной психологии с точки зрения ее предмета. Разработанная Г. Трайандисом концепция субъективной культуры является отправной теоретической базой кросс-культурных исследований: «Поскольку предметное основание оказывает существенное влияние на аспект культуры, который находится в поле исследования, большинство исследователей согласны с тем, что культура присутствует внутри и вне индивидов. Культура существует внутри индивидов в форме разделяемых ими убеждений, ценностей и интериоризированных образцов взаимодействий – как субъективная культура. Вне индивидов культура состоит из разделяемой части созданной ими среды, включающей религиозные убеждения, образовательные системы и эстетические достижения, такие как искусство, театр и литературные произведения. Эти два аспекта культуры безусловно взаимосвязаны. Понятно, что психологов интересует в первую очередь «субъективная культура» [16]. Для кросс-культурной методологии важно то, что культура структурирована и нормирована, представляя собой совокупность «культурных

паттернов», или образцов человеческой деятельности. Вместе с тем все элементы культуры, «орудия, дома, законы, ценности и отношения обычно взаимосвязаны, часто весьма сложным образом, так что они составляют некоторое интегрированное целое» [14, p. 2].

Следующим базовым понятием в рамках рассматриваемого концептуального ряда выступает «кросс-культурное» как атрибутивная характеристика методологии и соответствующей отрасли знания. Хотя в русском культурологическом лексиконе существует близкий (и, на первый взгляд, тождественный) термин «межкультурный», понятие «кросс-культурного» (англ. «cross-cultural») в силу специфики своего содержания в русском варианте транслитерируется без перевода. В чем же состоит его специфика? Прежде всего, в том, что оно указывает на сравнительный подход в изучении культур.

Методология кросс-культурного анализа формировалась в русле культурологической компаративистики, более того, именно сравнительно-типологическое изучение различных культур послужило ее истоком. В числе непосредственных предшественников кросс-культурного анализа Дж. Берри называет Э. Тайлора, В. Вундта и У. Риверса и подчеркивает, что кросс-культурная психология отличается от других отраслей знания не своим предметом, но именно методом [15, p. 2]. Содержание метода кросс-культурного анализа заключается, во-первых, «в сравнении двух или большего числа существенно различающихся фактов» различных культур, во-вторых, «в определении влияния культурных условий на поведение», в-третьих, в «установлении систематической зависимости между культурными и поведенческими переменными. Таким образом, задача заключается в понимании того, как две системы на уровне группового и межличностного анализа соотносятся одна с другой» [15, p. 5].

Итак, кросс-культурный анализ основан на применении компаративистского метода к сфере культурной вариативности и в этом качестве он стал одним из ведущих исследовательских направлений, в рамках которого первоначально оформилась кросс-культурная психология, и который оказал серьезное влияние на культурную антропологию и другие отрасли гуманитарного знания. Однако культурологическая компаративистика имеет не только давние традиции, но основана на различных принципах сопоставления культурных форм. Попытаемся выявить специфику кросс-культурного подхода в компаративистском исследовании культур, не упуская из виду те продуктивные возможности, которые содержатся в нем как в потенциальном методе исследования европейских этнокультурных пограничных регионов.

Различные культуры и их паттерны в качестве объекта кросс-культурных исследований могут носить как дистантный характер, так и находиться в непосредственном контакте. И в этом случае кросс-культурные исследования интересуют те изменения, которые происходят в различных культурах в результате межкультурных контактов. Культуры не только сопоставимы, но они динамичны, изменчивы. Принцип культурного эволюционизма, проходящий через концепции Л. Уайта, Дж. Стюарда и нашедший оформление в теории культурных изменений («cultural change») Г. Барнетта, составлял и составляет, если можно так выразиться, дух американских гуманитарных исследований и является, наряду с компаративистикой, одним из оснований кросс-культурного анализа.

Разумеется, создатели кросс-культурного метода отдавали и отдают себе отчет в той колоссальной сложности, которую таит в себе попытка сопоставительного анализа культур. Именно эта сложность выступает предметом серьезной рефлексии методологического характера. Тезис о возможности и необходимости компаративистского анализа сразу же порождает два вопроса: что и как сравнивать в культурах. Ответ на первый вопрос требует более глубокого теоретического осмысления самого феномена культуры и выявления в различных культурах сопоставимых элементов. Ответ на второй раскрывает прикладную и процедурные стороны рассматриваемого метода.

Как кросс-культурная психология отвечает на эти вопросы? Прежде всего, в качестве рабочего инструмента компаративистского анализа предлагается понятие «культурной единицы» (англ. «cultunit»). Это понятие было введено Р. Нароллом для обозначения «людей, которые, разговаривая на общем родном языке, принадлежат либо к одному государству, либо к одной контактной группе» [17, р. 248]. Объектом сопоставительных исследований является «культурная единица», однако мнения относительно ее масштаба и границ варьируются. Сам Р. Наролл предложил следующую интерпретацию границ «единицы», которая в основном принята в кросс-культурной психологии: «Мы рассматриваем локальную группу в определенный исторический период и исследуем ее в тех границах, в которых существует один или более взаимно понятных ее членам языков. После того, как определена область взаимного понимания, мы допускаем существование не одной, а большего числа единиц. В установлении границ мы следуем в двух направлениях: от языка А к языку В, убеждаясь в том, что большинство говорящих на языке В не понимают языка А. После того, как установлено существование языковых границ в обоих направлениях, мы в праве заявить, что две единицы действительно различны» [17, р. 721]. Г. Трайандис включил в характеристику «культурной единицы» три параметра: время, место и язык: «Время, поскольку нас обычно интересует конкретный исторический период; место, поскольку мы сосредоточены на межличностном контакте либо политической организации; язык, поскольку мы фокусируем наше внимание на взаимном непонимании» [14, р. 2]. При этом автор полагал, что включение в компаративистский анализ «больших» культурных единиц, таких, как народы, расы либо конфессиональные группы, создает методологические трудности, поскольку сами они состоят из культурных единиц меньшего порядка [14, р. 3]. Таким образом, проблема границ культурной единицы решается посредством выявления ее внешних эксплицированных форм, и к таковым относится, в первую очередь, язык. Такой подход оправдан в условиях лингвистической гетерогенности общества, однако представляется спорным в ситуации языковой гомогенизации, при которой продолжает существовать культурная вариативность. К примеру, сербы, хорваты и боснийцы говорят на одном языке, однако не составляют единого народа и не могут быть подведены под категорию «культурной единицы». Схожая ситуация наблюдается на белорусско-польско-литовском пограничье и в Беларуси в целом. Наоборот, в рамках одного этноса может иметь место лингвистическая вариативность (русскоязычные и белорусоязычные белорусы, польскоязычные и белорусоязычные поляки и т.п.). В этой связи определение культурных единиц в ареале европейских культур как предпосылка и условие применения кросс-культурного метода требует многомерного и иерархического подхода к понятию культурной единицы.

В рамках одной культуры, или культурной единицы, существует значительная вариативность поведенческих норм и отдельных актов, которые предопределяются самыми разнообразными факторами, как культурными, так и природными, как общими и необходимыми для данной культурной единицы, так и случайными по отношению к ней. Это обстоятельство предопределяет необходимость использования метода факторного анализа. При этом исследователь принимает во внимание всю совокупность факторов, рассматривая возможные зависимости между ними по принципу каузальности, в котором определяющей оказывается типичная для бихевиоризма модель «стимул – реакция (ответ)». В качестве переменных в кросс-культурном исследовании выступают следующие системы: 1) экологическая, включающая физическое окружение, ресурсы, географию; 2) система средств существования, то есть методы эксплуатации среды:

сельское хозяйство, собирательство, промышленность; 3) социокультурная система: институты, нормы, роли и ценности, существующие «вне» индивида; 4) индивидуальная система: восприятие, обучение, мотивация, субъективная культура, которая, в свою очередь, включает особенности восприятия элементов культурной системы; 5) интериндивидуальная система: паттерны социального поведения [14, р. 9]. При этом классификации и номенклатуры таких систем могут варьироваться.

Кросс-культурную психологию, в соответствии с ее предметом, интересует индивидуальный уровень поведения человека в определенном культурном контексте. Переход от объективного к субъективному, от внешнего культурного контекста к поведенческим паттернам осуществляется на основе «Я-концепции» («self-concept») и моделей конструирования «Я» («self-construals», или «Я-конструктов») посредством анализа взаимосвязей «Я» с окружением («Другими»). Воспринятая из арсенала теории символического интеракционизма и социобиохевиоризма, главным образом Дж. Мида, идея конструирования «Я» была переведена в плоскость исследования культур. В результате получила обоснование типология «Я-конструктов», которая оказалась существенно важной для разработки целого ряда теоретических и эмпирических проблем, которые в рамках кросс-культурной психологии приобрели самостоятельный исследовательский характер. Речь идет о проблемах социализации, адаптации, культурного шока, культурной типологии, межкультурных коммуникаций, межкультурного образования и т.п. Совершенно очевидно, что эти проблемы актуальны и ожидают своего научного анализа в ситуации европейских культурных ареалов.

«Я-конструкт» оказывается в кросс-культурной психологии такой моделью личности, аккумулирующей совокупность вариативных черт и признаков, которые, с одной стороны, могут быть выявлены и систематизированы в определенном культурном контексте, с другой – подлежат эмпирической верификации на конкретном материале, отражающем культурное многообразие мира. Теоретические исследования «Я-конструкта» потребовали определенной генерализации, следствием которой стало введение в гуманистику ряда новых понятий, оформившихся в кросс-культурной психологии, прежде всего, «коллективизма» и «индивидуализма» как культурных типов, «эмического» и «этического», «аллоцентризма» и «идиоцентризма» и других. Поскольку первые два понятия занимают ключевое место в кросс-культурных исследованиях, рассмотрим их более обстоятельно.

В результате исследований «Я-конструкта» в его зависимости от факторов культурной среды были выявлены два относительно устойчивых типа «Я-конструктов». Первый обозначен как «западный» («индивидуалистический», «независимый»), оппозиционный «восточному» («коллективистскому», «интерзависимому»). Для обоих типов существенен окружающий культурный контекст, в котором «Другой», или «Отношение-Себя-к-Другому», является фокусом индивидуального опыта [18].

Независимый Я-конструкт определяется как «целостное, внутренне связанное, устойчивое “Я”, независимое от социального контекста» [18]. Элементы, связь между которыми образует «независимый Я-конструкт», включают: внутренние способности, мысли и чувства; уникальность и способность к самовыражению; осознание своих внутренних свойств и стремление к достижению собственных целей; прямота в общении. Рефлексируя над собой, индивидуумы, обладающие развитым независимым Я-конструктом, принимают во внимание свои собственные способности, отношения, характеристики и цели в большей степени, чем мысли, чувства либо действия других. Аналогичным образом в процессе рефлексии над другими именно эти характеристики и свойства других фокусируются в большей мере, нежели контекстуальные факторы [18].

«Интерзависимый Я-конструкт» характеризуется как «подвижное, изменчивое Я», в котором ведущими являются: внешние, публичные черты, такие, как статусы, роли, связи и отношения; приспособление; занятие соответствующего места и выполнение соответствующих функций; непрямой характер коммуникаций и умение «читать между строк» [16]. Рефлексивное отношение к себе и другим выявляет, в первую очередь, взаимозависимость «Я» и других. В дополнение к этому ни «Я», ни «другие» не изолированы от ситуации, но «сплавлены» с ней. Стремление к гармонизации межличностных отношений и способность приспособления к различным изменчивым ситуациям являются доминирующими ценностями «интерзависимого Я-конструкта». Именно поэтому «интерзависимое Я» стремится к коммуникации косвенными средствами и проявляет повышенное внимание к проявлениям чувств и выражениям мыслей других с тем, чтобы уметь читать их мысли. В противоположность «независимому Я» «интерзависимое Я» зависит от других, от его отношений с другими и от контекстуальных факторов, регулирующих поведение. Поскольку главным источником самооценки является связь с другими и приспособление, ситуация и присутствие других активно и постоянно интегрируются в личностной структуре «интерзависимого Я» [16]. Между тем, на индивидуальном уровне анализа многие исследования показали, что эти конструкты сосуществуют в различной мере в каждом индивидууме. На практике эти два «Я» сосуществуют как тенденции, которые влияют на поведение.

Установление базовых концептов и выявление возможных зависимостей между переменными определяют основные направления кросс-культурных исследований. Первое направление связано с сопоставлением различных культур, как взаимно контактирующих, так и дистантных, по определенным признакам. Тематика таких исследований поистине неисчерпаема (сравнительные исследования управленческих качеств китайцев КНР и Гон-Конга [19], моральных суждений финских и эстонских юношей [20], табуированных тем в общении между друзьями в Англии и Китае [21] и т.п.). Объектами подавляющего числа таких исследований являются полярные культуры, что призвано верифицировать теоретические модели коллективизма и индивидуализма как культурных типов. Такого рода исследования имеют не только теоретический, но и прикладной аспект, в том числе для установления деловых отношений в полиэтнических коллективах, преодоления конфликтов на этнической почве.

Не входя в обсуждение процедурной стороны такого рода исследований (операционализация понятий, построение шкал личностных признаков), достаточно разработанной в социальной психологии и социологии и с высокой степенью корректности применяемой в кросс-культурных исследованиях, отметим, что такие исследования содержат интересные результаты не только частного порядка, но выходят на новые уровни генерализации гуманитарного знания.

Сопоставительный анализ различных культур с неизбежностью порождает необходимость установления «ядра» культуры (культурной единицы), то есть такого ее компонента (компонентов), либо их комбинаций («конфигураций»), который определяет ее глубинное содержание. И таким компонентом оказываются ценности культуры. По нашему мнению, именно ценностный анализ культуры является наиболее значимым теоретическим результатом кросс-культурных исследований.

Работа в этом направлении увенчалась выявлением, теоретическим обоснованием и верификацией базовых ценностей американской [22], [23], японской и других культур. Результаты исследований вышли за пределы узкопрофессионального знания и стали предметом гуманитарного образования и «нормой» образованности. Хорошо известные ценности американской культуры, такие, как индивидуализм, демократизм, ориентация

на будущее, эгалитаризм, деловитость, ориентация на успех, материализм, мобильность и т.п., не только исследованы в литературе, но «прописаны» в любом учебнике по социологии и культурной антропологии. Если задать американскому студенту вопрос о ценностях его культуры, ответ не заставит себя ждать. Иными словами, ценностная сторона американской культуры, благодаря кросс-культурным исследованиям, не только эксплицирована и выстроена в определенные конфигуративные формы, но стала феноменом массового сознания. В то же время исследования дают представление о ценностном содержании культур других народов.

Каковы возможности методологии кросс-культурного анализа в исследовании отечественной культуры вообще, этнокультурного пограничья в частности? Не будет преувеличением утверждение о том, что проблема ценностей белорусской (польской, русской) культуры не разработана ни на теоретическом, ни на прикладном (образовательном) уровнях. Если говорить о ценностной саморефлексии национальных культур, то она ограничивается публицистическими трюизмами типа «памяркоўны беларус» и «костельный поляк». Можно сколько угодно перечислять оставшиеся от прошлого памятники, характеризовать архитектурные стили, называть имена «деятелей культуры», описывать обряды и праздники, но эта «видимая часть айсберга» еще не есть культура народа в собственном смысле этого слова. Переход от дескриптивности к теоретическому анализу произойдет в отечественной культурологии тогда, когда она будет в состоянии аргументированно обосновать ценностное содержание собственной культуры и столь же аргументированно сопоставлять ее с иными культурами, как соседними, так и дистантными. С этой точки зрения трудно переоценить возможности и перспективы методологии кросс-культурного анализа, особенно в условиях пограничья, которое еще ожидает своего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K. Exploration of Ethnic Identity Among Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland // *Journal of Cross-cultural psychology*. – 1999. – Vol. 30, № 4. – P. 527-539.
2. Kasatkina N. «Istorinés» diasporos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje // *Filosofija. Sociologija*. – 2003. – № 2. – P. 37-43.
3. Boski P. (Ed.) *New Directions in Cross-Cultural Psychology: Selected Papers From the Fifteenth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology*. – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 2002. – 602 p.
4. Мацумото Д. Психология и культура. – М.; СПб.: Питер, 2003. – 416 с.
5. Brislin R.W. *Cross-Cultural Encounters: Face-to-Face Interaction*. – New York: Pergamon Press, 1981. – 372 p.
6. Triandis H.C. *The Analysis of Subjective Culture* / H.C. Triandis. – New York: John Wiley, 1990.
7. Berry J.W. (Ed.). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 610 p.
8. Matsumoto D. *The Handbook of Culture and Psychology*. – New York: Oxford University Press, 2001. – 458 p.
9. *Cross-Cultural Psychology: Research and Application* / J.W. Berry, Y.H. Poortinga, M.H. Segall, P.R. Dasen. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 618 p.
10. Sam D.L., Berry J.W. *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 576 p.
11. Triandis H.C. *Handbook of Cross-Cultural Psychology: Vol. 1-5*. – Boston: Allyn and Bacon, 1980.
12. Triandis H.C. *Odysseus wandered for 10, I wondered for 50 years* // Dinnel L., Hayes S.A. & D.N. Sattler (Eds.). *Online Readings in Psychology and Culture* / Center for Cross-Cultural Research. – Western Washington University, 2002. – Режим доступа: <http://www.ac.wvu.edu/~culture/index-cc.htm>
13. Triandis H.C., Leung K., Villareal M.V., Clack F.L. *Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant tradition* // *Journal of Research in Personality*. – 1985. – № 19. – P. 395-415.
14. Triandis H.C. *Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology*. – Boston: Allyn and Bacon, 1980. – Vol. 1: Perspectives.

15. Berry J.W. Introduction to Methodology // Handbook of Cross-Cultural Psychology. – Boston: Allyn and Bacon, 1980. – Vol. 2: Methodology.
16. Singelis T.M., Bond M.H., Ch. Siu Tiulai. Unpacking culture's influence on self-esteem and embarrassability of self-construals // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1999. – Vol. 30, № 3. – P. 317-319.
17. Naroll R., Cohen R. (Eds.) A Handbook of Method in Cultural Psychology. – New York: Natural History Press, 1970.
18. Markus H.R., Kitayama S. Culture and self: Implications for cognition, and motivation // Psychological Review. – 1991. – № 98. – P. 225-230.
19. Birnbaum-More Ph.H., Wong G., Olive N.-G. Acquisition of managerial values in The People's Republic of China and Hong Kong // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1995. – Vol. 26, № 4. – P. 255-275.
20. Keltikagas-Jarven K., Terav T., Pakaslahti L. Moral reasoning among Estonian and Finnish adolescence. A comparison of collectivist and individual settings // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1999. – Vol. 30, № 3. – P. 267-290.
21. Goodwin R., Lee I. Taboo topics among Chinese and English friends. A cross-cultural comparison // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1994. – Vol. 25, № 2. – P. 325-338.
22. Bellah R., Madsen R., Sullivan W., Swindler A. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. – Berkley (CA): University of California Press, 1985. – 356 p.
23. Steward E.C., Bennett M.J. American Cultural Patterns: A Cross-Cultural Perspective. – Yarmouth: Intercultural Press, 1991. – 192 p.

М.Н. Беспмятних

Методологія кросс-культурного аналізу: базові концепти, напрямки і перспективи досліджень

Кросс-культурні дослідження займають пріоритетне місце в сучасній культурологічній компаративістиці й у вивченні механізмів міжкультурних взаємодій. У статті розкриваються теоретичні витoki методології кросс-культурного аналізу, зміст його предмета й евристична роль найважливіших понять. Дається характеристика галузям застосування та деяким результатам кросс-культурних досліджень, а також можливостям їх використання в ареалі взаємодії пограничних культур.

N.N. Bepamiatnych

Methodology of Cross-Cultural Analysis: Basic Concepts, Strategies and Research Perspectives

Cross-cultural analysis is one of the priority methods in the current cultural comparativistics and intercultural studies. The article deals with the theoretical background, research contents and basic concepts of cross-cultural methodology. The fields of research and some results as well as the opportunities of application of methodology of cross-cultural analysis in the bordering areas are characterized.

Стаття постуила в редакцію 07.12.2007.